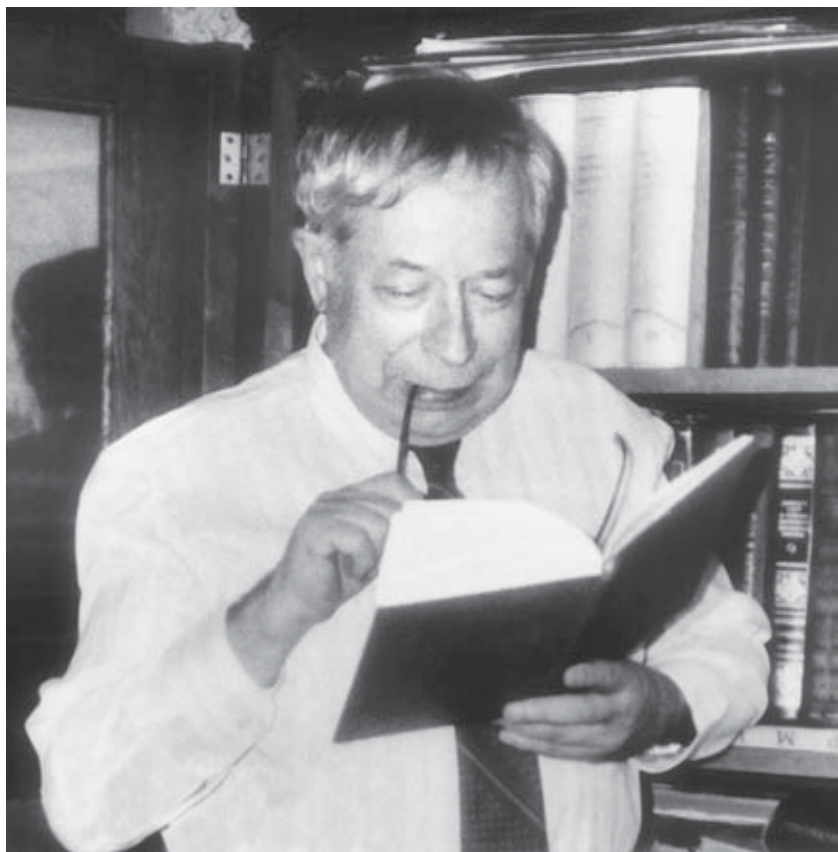

МАСТЕРСТВО ИСТОРИКА

И. С. Розенталь. 1995 г.

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(2)6

М32

Редколлегия:

доктор исторических наук К. А. Соловьев,
кандидат исторических наук Н. Б. Хайлова,
доктор исторических наук, профессор В. В. Шелохаев (отв. ред.)

Мастерство историка. Памяти доктора исторических наук
М32 **И. С. Розенталя** : Сборник статей и материалов / [отв. ред.
В. В. Шелохаев]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. –
495 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2340-5

Сборник посвящен памяти выдающегося отечественного историка, доктора исторических наук, профессора Исаака Соломоновича Розенталя. Книга состоит из введения и четырех разделов: воспоминания, статьи, документальные публикации, материалы «Из архива И. С. Розенталя». В первый раздел вошли воспоминания его коллег и учеников. Второй раздел включает статьи по проблемам, близким научным интересам ученого. В третьем разделе впервые публикуются документы из Государственного архива Российской Федерации и Бахметевского архива (США), созвучные исследовательским поискам и размышлениям И. С. Розенталя. В четвертом разделе представлены: последняя статья историка, а также другие ранее не публиковавшиеся тексты, отражающие его просветительскую и научно-организационную деятельность.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2340-5

© Институт общественной мысли, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Историк в силу своей профессии обязан постараться понять «других», отличных от себя. «Другими» они предстают перед ним уже потому, что жили в другое время, в другой среде и окружении. Кроме того, это неизбежно разные, неодинаковые «другие». Но в повседневной жизни изучаемого социума процесс, аналогичный по существу, хотя чаще всего неосознанный, процесс узнавания и постижения происходил постоянно и со всеми его субъектами – по необходимости, без каких-либо научных претензий. Его составляющие – различение «своего» и «чужого», самоидентификация и самоутверждение, отграничение себя, своей группы от других и одновременно – взаимодействие с иными социальными стратами, стремление познать «чужие» миры и культуры. Этот постоянный процесс – основа поведения людей и тем самым функционирования социума – мог протекать более или менее успешно или вообще безуспешно ввиду неспособности или просто нежелания постичь не «свое», понять «чужую правду».

И.С. Розенталь

9 августа 2018 г. на 90-м году жизни ушел из жизни выдающийся отечественный историк, источниковед и археограф Исаак Соломонович Розенталь.

И.С. Розенталь родился 1 февраля 1929 г. в г. Минске в семье военного врача. Незадолго до оккупации немцами города семья Розенталей эвакуировалась в г. Бузулук Чкаловской обл. После окончания в 1946 г. с золотой медалью средней школы г. Бузулука И.С. Розенталь поступил на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина, который в 1950 г. окончил «с отличием». После окончания института И.С. Розенталь начал свою трудовую деятельность библиотекарем студенческого городка «Дом коммуны» Министерства цветной металлургии СССР, а затем, с 1951 по 1973 г., работал учителем истории и обществоведения средней школы № 587 (затем № 32) Фрунзенского района г. Москвы.

Со студенческих лет И.С. Розенталь мечтал заниматься, по его словам, «большой наукой». Посещал научные заседания в Институте истории АН СССР, где познакомился с сотрудниками сектора истории СССР периода капитализма, которым руководил Л.М. Иванов. По совету доктора исторических наук М.С. Волина И.С. Розенталь стал активно разрабатывать проблему истории печати профсоюзов

накануне Первой мировой войны. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Профессиональная печать и рабочее движение в России в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)» в Московском государственном педагогическом институте.

Став кандидатом исторических наук, И.С. Розенталь еще целых восемь лет продолжал работать в школе, так как его неоднократные попытки перейти на работу в различные научные учреждения не увенчались успехом. Лишь в сентябре 1973 г. он был зачислен на работу в Центральный музей революции СССР. В 1987 г. защитил в Московском государственном историко-архивном институте докторскую диссертацию «Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав, политическая ориентация (1905 г. – февраль 1917 г.)».

Именно ему принадлежала идея подготовить и издать документальный сборник «Голоса истории», получивший широкий отклик в научных кругах. «Вкус» к публикаторской деятельности И.С. Розенталь сохранял на протяжении всей жизни. Свои архивные находки он систематически публиковал в журнале «Исторический архив». С 1960-х гг. И.С. Розенталь печатался в ведущих отечественных исторических журналах: «Вопросы истории КПСС», «История СССР» (впоследствии «Отечественная история», «Российская история»), «Вопросы истории».

В 2001–2014 гг. И.С. Розенталь работал в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в должности главного специалиста Центра по разработке и реализации документальных публикаций федеральных государственных архивов.

Благодаря широте научных интересов И.С. Розенталь внес значимый вклад в разработку целого ряда проблем российской истории и источниковедения. И.С. Розенталь – ведущий специалист в области истории дореволюционного профессионального движения в России. Им подготовлено уникальное издание «Профессиональные союзы рабочих России. 1905 г. – февраль 1917 г.: перечень организаций» (Вып. 1, 2. М., 1985), получившее признание среди отечественных и зарубежных коллег. В трудах И.С. Розенталь нашли отражение новые подходы к характеристике рабочего класса в дореволюционной России, исследовался его социальный состав, проблема стихийности и сознательности, духовные запросы и политическая культура пролетариата, формы самоорганизации рабочих – профсоюзы, пролетарские клубы и т. д. Экономический аспект темы нашел отражение в статьях, подготовленных для энциклопедии «Экономическая исто-

рия России с древнейших времен до 1917 года» (Т. 1. М., 2008; Т. 2. М., 2009).

Новаторство И.С. Розенталя проявилось и в исследовании феномена российской интеллигенции до и после 1917 г. Пристальное внимание к данной проблематике отличало его публикации на протяжении всей жизни. История интеллигенции рассматривалась в широком контексте – общекультурном и политическом. Фактически являясь одним из разработчиков такого направления, как культурно-историческая психология, И.С. Розенталь успешно применял в своих исследованиях междисциплинарный подход. Этим объясняется его «свежий взгляд» на такие проблемы, как интеллигенция и власть, самоорганизация российской общественности, интеллигенция и революция, образованное общество и народ, рабочие и интеллигенция, природа антиинтеллигентских настроений в России и в эмиграции.

Изучая интеллигенцию в контексте становления и развития российской многопартийности до 1917 г., И.С. Розенталь внес значимый вклад в разработку ряда проблем политической истории России начала XX в. (типология политических партий, особенности российского парламентаризма, политическое масонство, либерализм и социализм, правый и левый радикализм и т. д.). Высокую оценку научного сообщества получило подготовленное И.С. Розенталем (совместно с Ю.Н. Амиантовым) фундаментальное документальное издание «Бунд. Документы и материалы. 1894–1921» (М., 2010). В соавторстве с Ю.Н. Амиантовым был подготовлен еще один том «Конференции РСДРП 1912 г. Документы и материалы» в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» (М., 2008).

Авторитет ученого обеспечил ему особое место в авторских коллективах энциклопедических изданий: «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1977), «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года» (Т. 1. М., 1994; Т. 2. М., 1996; Т. 3. М., 2000), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь» (М., 1997), «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» (М., 2005), «Общественная мысль Русского зарубежья» (М., 2009), «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века» (М., 2010), «Петр Аркадьевич Столыпин» (М., 2011), «Революционная мысль России XIX – начала XX века» (М., 2013), «Россия в Первой мировой войне» (М., 2014), «Россия в 1905–1907 гг.» (М., 2016), «Россия в 1917 году» (М., 2017).

Мастер биографического жанра, И.С. Розенталь представил целую галерею портретов (более 40) лидеров политических партий

(преимущественно социалистических) в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (М., 1996). И.С. Розенталь – автор ряда статей в энциклопедии «Государственная дума России» (В 2 т. Т. 1. М., 2006). Многие публикации И.С. Розенталья представляют собой, по сути, большой проект под названием «Возвращенные имена». Среди них книга о Н. Валентинове («Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников». М., 2015), статьи, посвященные В.Ф. Джунковскому, кн. В.М. Голицыну, Г.А. Алексинскому, Н.В. Давыдову, и др. Одна из наиболее известных работ И.С. Розенталья – «Провокатор. Карьера Романа Малиновского» (М., 1994). Непреходящий интерес к ней обусловлен не только профессиональным мастерством автора, но и основательностью источниковой базы. Изданию предшествовала публикация материалов Революционного трибунала о провокаторе Малиновском в журнале «История СССР» (1991, № 1–6), а также выход в свет сборника документов. Продолжив работу над темой, И.С. Розенталь посвятил своему герою еще одну книгу – «Провокатор Роман Малиновский: судьба и время» (М., 1996).

И.С. Розенталь – признанный специалист в области изучения истории общественной мысли и общественного движения в России. Крупным явлением в новейшей историографии стало его исследование «“И вот общественное мнение!” Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX в.» (М., 2007). И.С. Розенталь был участником проекта «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», подготовив к изданию один из томов – «Владимир Ильич Ленин. Избранное» (М., 2010; сост., автор предисл. и коммент.).

Еще одна тема, неизменно занимавшая И.С. Розенталья, – это «проблема двух столиц в истории России». Широко известна его книга «Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг.» (М., 2004). Вкладом в «московедение» являются воспоминания И.С. Розенталья «За синей птицей» (М., 2012). Вполне закономерным было его участие и в подготовке энциклопедии «Санкт-Петербург» (СПб.; М., 2004).

Высоким уровнем историко-философского, культурологического осмысления проблем российской истории отличаются главы, подготовленные И.С. Розенталем для фундаментальных трудов «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» (М., 2014), «Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века» (Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011) и др.

У И.С. Розенталя был свой почерк историописания, что можно сказать о немногих авторах. Главная его черта: внимание к человеку – герою исторического повествования. Причем речь идет не столько об отвлеченных теоретических построениях и методологических приемах, сколько об особой исследовательской оптике: желании и способности углыдеть человеческое измерение масштабных социальных и политических процессов начала XX в. Это сказывалось и в выборе тем исследований: повседневность российского мегаполиса накануне революционных потрясений, кружковая и клубная культура XIX в., широкое полотно российской истории глазами умного и не догматически мыслящего наблюдателя Н.В. Валентинова и др.

И.С. Розенталь делал свои авторские акценты, что определяло особенности исследовательского стиля. В основе его исследований – опыт медленного прочтения исторических источников, преимущественно личного происхождения. Историк Новому времени, поставленному перед необходимостью осваивать значительный по объему корпус источников, это не всегда бывает свойственно. Он скорее склонен к экстенсивному расширению проблемного поля, а не интенсивной разработке как будто уже известных сюжетов. Наследие И.С. Розенталя – пример обратного: как много может дать скрупулезный анализ всегда многослойного текста. Он позволял автору выявлять нюансы смыслов, порой малозаметные, но очень важные оттенки для понимая позиции героя столетней давности и ее эволюции. Все это позволяло И.С. Розенталю выходить на сюжеты огромного значения, но не слишком популярные в исторической науке, так как их очень непросто «ухватить» привычными приемами современного историка: общественное мнение, общественное настроение, клубная и салонная культура и т. д.

В сочинениях И.С. Розенталя всегда живые, а не «картонные» герои: это влюбленный в театр В.Ф. Джунковский, внимательный, постоянно рефлексирующий наблюдатель В.М. Голицын, блестящий публицист, эрудит Н.В. Валентинов... И.С. Розенталь не выносил им вердиктов, а пытался понять, воссоздавая их логику, стиль мышления. Вероятно, поэтому при составлении энциклопедических трудов именно И.С. Розенталя просили написать статьи о сложных для понимания и в то же время ключевых персоналиях российской истории начала XX в.: Николае II и В.И. Ленине.

Исторический источник всегда отвечает на множество вопросов, относящихся к самым разным сюжетам. Исследователь же предпочитает уместить его в «прокрустовом ложе» своей узкой темы. И.С. Розенталь поступал иначе. Он старался дать источнику высказаться. Не случайно, что автор выбирал проблемы на стыке различных областей

исторического знания, что позволяло дать стереоскопический образ эпохи. При этом автора всегда отличало бережное отношение к источнику, стремление использовать широчайший круг текстов – опубликованных и архивных.

Публикации И.С. Розенталя свидетельствуют не только о его природном даре исследователя, литературном мастерстве, отточенном до совершенства многолетним кропотливым трудом в архивных хранилищах и библиотеках. Труды И.С. Розенталя несут на себе «отпечаток» его Личности. Человек беспристрастный и объективный, принципиальный, чуждый какой-либо конъюнктуре, он допускал возможность компромисса в исключительно жестких рамках, не нарушающих «золотых правил» нравственности. Он был чужд нетерпимости, неизменно оставаясь требовательным прежде всего к самому себе. Терпимость и терпение, доверие и благожелательное отношение к людям – эти черты характера отличали И.С. Розенталя. Человек не суеты, но Сути, он проявлял глубокий интерес к тем, кто встречался ему на жизненном пути. Многие хранят в памяти его слова поддержки и сочувствия, благодарны И.С. Розенталю за бескорыстную помощь. Красноречивые свидетельства его искренности и доброжелательности (равно как и высочайшего профессионализма, поразительной эрудиции) – многочисленные рецензии на публикации коллег. Ученый мировой известности И.С. Розенталь занял достойное место в первом ряду российских историков.

Труды Исаака Соломоновича Розенталя, в которых было вложено так много любви и таланта, будут жить и дальше, как и память об их авторе – удивительно добром, умном и неизменно отзывчивом человеке.

I. ВОСПОМИНАНИЯ

В.Т. Логинов

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И КОЛЛЕГИ

С Исааком Соломоновичем Розенталем мы познакомились в далеком 1946 г. на первом курсе истфака Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина. Набор этого года был особенным. Две трети его составляли взрослые демобилизованные фронтовики, ребят – школьных абитуриентов было не более десятка.

В первые дни у студентов, особенно тех, кто по анкетным данным не был принят в МГУ, было ощущение, что попали мы в какое-то затрапезное, второсортное учебное заведение, не имевшее даже собственного помещения – факультеты ютились по московским школам.

Но уже через неделю-две, после первых лекций и семинаров, стало ясно, что нам в жизни крупно повезло. В МГПИ – тогда это было исключением – разрешалось совместительство, и мы имели такой набор преподавателей и предметов, которому мог позавидовать любой университет страны.

Тон и общий уровень задавала старая, зачастую дореволюционная профессура (и приват-доценты) – Павел Петрович Смирнов, А.А. Фортунатов, А.А. Савич, Н.А. Гейнике, С.К. Шамбинаго, А.С. Башкиров, В.Н. Дьяков, А.Н. Попов и др. И часто наш декан Фортунатов перед какими-то факультетскими мероприятиями сидел за рояль, стоявший на сцене школьного зала в Гранатном переулке, и на чистой классической латыни (ее нам тоже преподавали) пел старый студенческий гимн «Гаудеамус игитур».

Большинство фронтовиков были коммунистами, и они сразу возглавили и партийную, и профсоюзную организации факультета. Это, помимо бесплатных талонов на кислую капусту в институтской столовой (карточки еще не отменили), дало фактически свободное посещение фронтовикам (им надо было зарабатывать) и ограниченное право студентов при решении многих внутриинститутских вопросов.

При этом лекциями никто не манкировал, ибо знали – многое из услышанного не найти ни в каких учебниках.

Розенталь (чаще всего мы звали его по фамилии, ибо на курсе был еще один Изя – Гордин) держался скромно, даже застенчиво, на первых порах было заметно, что столь пестрая по своему возрастному, интеллектуальному и социальному опыту и уровню среда для него необычна и непривычна. Впрочем, довольно быстро он вошел в нее – выпускал стенгазету и осваивал обязательные в ту пору лыжи, участвовал в агитпоходах, на археологических раскопках привыкал к лопате, по комсомольской линии читал лекции «О текущем моменте» и т. д. и т. п. Его, почти стенографическими, написанными бисерным почерком конспектами пользовались с удовольствием и благодарностью однокурсники.

Сам он учился только на отлично и, конечно, мечтал об аспирантуре. По меньшей мере две кафедры с удовольствием взяли бы его. И казалось, что никакие анкетные данные, как это случилось при попытке поступления в МГУ в 1946 г., не помешают этому. Но, увы, надвигались иные времена...

Началась борьба с «низкопоклонством», потом – с «космополитизмом». Последовала замена преподавателей. За сугубо личные дневниковые записи арестовали нашего однокурсника – будущего профессора Сашу Говорова. Фортунатова на посту декана сменил Бабурин. Ему, в частности, наша студенческая археологическая компания, шутливо именовавшаяся «папуасами», показалась крайне подозрительной, и слава богу, что вместо аспирантуры Розенталь распределили в одну из школ Москвы, а не куда подальше, как это произошло с нашей подругой Линой Каминской.

Нелегкую и столь специфичную учительскую работу он, судя по всему, освоил быстро и хорошо. Я встречал позднее тех его учеников, которые защитили диссертации, они с огромным уважением и благодарностью вспоминали своего школьного учителя.

В те времена профессия учителя, несмотря на мизерные заработки, пользовалась – по старой российской традиции – почетом и уважением. Такие великолепные фильмы, как «Сельская учительница», а позднее «Доживем до понедельника», создали в обществе определенный ореол «учителя-просветителя», и это ампула несколько компенсировало тот удар, который Розенталь получил при выпуске. В этом «душевном комфорте» был элемент самообмана, ибо он прекрасно понимал, что его истинное призвание – научная работа, но опасался вновь испытывать судьбу и сойти с уготованных ему рельсов.

Когда в 1953 г. я демобилизовался из армии, мы нещадно ругались с ним по этому поводу. Начиналась оттепель, она давала определенный шанс, и в конце концов его удалось уговорить засесть за диссертацию. Я тогда работал в Центральном партархиве, занимался рабочим движением и рабочей печатью кануна войны 1914 г. Поэтому Розенталь взял смежную малоизученную тему по истории профсоюзных журналов этих лет.

Защита в 1965 г. прошла блестяще, но главное, еще до нее, он постепенно стал втягиваться в работу Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», возглавляемого академиком И.И. Минцем. Если в 1946 г. нам крупно повезло с профессурой в вузе, то никак не меньшей удачей для историка было в ту пору сотрудничество с членами этого Совета, сотрудниками Института истории СССР АН СССР.

Этот Институт являлся тогда настоящим центром творческой мысли в исторической науке. Но даже в нем минцевский Совет выделялся созвездием талантливых исследователей, на которых начальство смотрело как на «возмутителей спокойствия». Общение с П.В. Волобуевым, М.С. Волиным, А.Я. Аврехом, К.Н. Тарновским, И.М. Пушкаревой, помощь секретаря Совета В.И. Миллера сыграли в формировании Розенталя как ученого огромную роль.

Он регулярно участвовал в конференциях и дискуссиях, проходивших в Совете, бывал на всех всесоюзных сборищах, где присутствовали ученые не только Москвы и Ленинграда, но и других республик, по-прежнему оставаясь там единственным школьным учителем. Это вызывало у ученой братии своеобразное уважение и вроде бы давало повод для какого-то самоуспокоения.

Он очень счастливо женился – Нину знал еще по МГПИ. Родился сын. За свою ученую степень получал в школе 100-рублевую надбавку. В дешевом в ту пору жилищном кооперативе купил крошечную квартиру. Иными словами, для своих школьных коллег поднялся на «высоту». Но покой прельщал его менее всего, ибо понимал, что его истинное призвание – при всем благородстве учительской профессии и при том, что все у него в школе ладилось, – в другом. Однако жизнь дала новый щелчок...

В 1970 г. в знаменитом сборнике «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» Институт истории опубликовал интереснейшую статью Розенталя о дореволюционной рабочей интеллигенции, и удар, нанесенный отделом науки ЦК КПСС сборнику и «новому направлению» как центру «инакомыслия», косвенно задел и его.

Все последующие годы Розенталь использовал любую возможность для того, чтобы опубликовать статью, заметку, рецензию. Связей с Институтом истории не порывал, но докторскую диссертацию защитил лишь после начала перестройки, в 1987 г. В середине 1990-х он стал наконец профессором Академии сферы быта и услуг, однако для будущих хозяйственников особого интереса история не представляла, и от этого порой становилось скучно.

Удовлетворение принес договор с издательством «РОССПЭН», выпустившим в 1991 г., а потом переиздавшим его книгу о знаменитом провокаторе Романе Малиновском. Не меньшую радость принесла и работа в РГАСПИ, бывшем Центральном партархиве, в публикаторской группе В.В. Журавлева и В.В. Шелохаева. Фундаментальное издание «Конференции РСДРП 1912 года» (2008), как и другие, останутся в исторической науке навсегда.

До 90 лет он не дотянул совсем немного. О самореализации, как условия человеческого счастья, чаще всего говорят, когда речь заходит об артистах или футболистах. А зря. Она не менее необходима и слесарю, и историку. Всем, кто связал свою жизнь с той или иной формой творчества, которое и есть призвание любого человека.

Те, кто работал с Розенталем и может судить о его творческом потенциале, знают, что сложись его судьба по-другому, он дал бы обществу больше. И можно только посетовать на несправедливое устройство жизни, при котором люди, столь долго, благородно и плодотворно трудившиеся на благо общества, так и не успевают полностью выразить себя, написать свою «главную книгу». Но мы не станем сожалеть о том, что он не сделал. Будем лишь благодарно вспоминать то, что он сделал, сделал честно и высокопрофессионально.

А.П. Ненароков

ПО КРОМКЕ ПАМЯТИ

Писать о человеке и ученом такого масштаба, как Розенталь, трудно. Хотелось бы написать развернутую статью, показывающую все грани его таланта, но в силу не зависящих от меня обстоятельств, сделать это я уже не могу.

Между тем обращение к его подходам и определенным им направлениям чрезвычайно актуально. Он, как никто другой, раскрывал единство и поступательность исторического развития и умел выделять то, что объединяло поколения, традиции и смысл как прошлого, так и настоящего. Недаром книга его воспоминаний называется «За синей птицей»¹.

К сожалению, мы виделись и созванивались чрезвычайно редко. Хорошо представляя себе объем его ежедневной работы, я стеснялся отрывать его от чего-то важного.

Я мало знаю тех, кто читал бы так много и умел бы связывать воедино столь разные источники: мемуары, дневники, письма, фотографии, официальные документы и специальную литературу. Для него не существовало понятия «вспомогательные дисциплины». Он был блестящим историографом, умеющим выделить даже в тех работах, с которыми не был согласен, то, что давало возможность раскрыть ту или иную проблему по-новому. Как источниковед, он безупречно определял цену выявляемых источников и встраивал их не только в музейную экспозицию, посвященную тому или другому событию, но даже в маленькую по объему энциклопедическую статью и следил за тем, чтобы они точно отражали музыку времени.

Помимо этого, от более частых звонков удерживало и понимание того, сколько народу обращалось к нему ежедневно.

---

¹ *Розенталь И.С.* За синей птицей. М., 2012.

I

Чаще мы стали общаться тогда, когда Исаак Соломонович ушел на пенсию. Впрочем, уже в последний год нашей совместной работы в архиве он еженедельно заходил ко мне, делясь тем, как шла работа над книгой, посвященной Н. Валентинову¹. Казалось бы, в итоге этих встреч я должен был бы уже хорошо представлять этапы, объем и сложность организационной и авторской работы, проделанной в весьма короткое время. Однако когда книга вышла из печати, она произвела на меня ошеломляющее впечатление. Она поражала молодостью и азартом, легкостью, стройностью авторской подачи. Я понимал, какой за этим стоит труд. На пенсионера он не был похож совсем. Мы договорились устроить презентацию в узком кругу.

К тому времени у нас в Теплом Стане на улице Академика Виноградова открылось кафе грузинской кухни «Максимус». В Америке такие кафе называют семейными ресторанами. Мы пришли туда втроем: Исаак Соломонович, его жена Нина Ивановна и я. Через несколько месяцев, когда я зашел в «Максимус» выпить кофе, пожилой человек за стойкой сказал мне, что он помнит, как «мы красиво сидели». Конечно, прежде всего это относилось к Нине Ивановне, хотя, может быть, атмосфера радости от творческой удачи Исаака Соломоновича красила и нас с ним. Мы говорили о воспоминаниях не только Исаака Соломоновича, но и о книге Нины Ивановны, редактором которой выступил ее супруг. Нашей компании не хватало только Леонида Сергеевича Яновича, основателя и руководителя ныне широко известного издательства «Новый хронограф». Он по праву должен был присутствовать на нашей презентации, поскольку и «За синей птицей», и «Н. Валентинов и другие...», и воспоминания Нины Ивановны Воцинниковой² увидели свет благодаря заботам и усилиям Яновича. Его не было в Москве, но мы не раз вспоминали его добрым словом.

Я даже не представлял тогда, насколько была больна Нина Ивановна (она уже почти ничего не видела) и как скоро я пройду по тем же офтальмологическим центрам. Нина Ивановна рассказывала о Кинешме, знаменитой уже тем, что она упоминалась в безусловно великой книге И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: мосье Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши в дни мира, войны и революции, в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные

---

¹ Розенталь И.С. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015.

² Воцинникова Н.И. Семейные истории на фоне двух эпох. М., 2012.

суждения Учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, об иудейском племени, о конструкции и о многом ином». Оказалось, что мы все любим Юлия Кима. Исаак Соломонович даже предложил мне обратиться к нему с идеей в связи со столетием Великой российской революции 1917 г. написать мюзикл по этой книге в трех актах: 1) Музыкальное кабаре им. Карла Маркса в Кинешме, 2) Варьете им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург в Берлине, 3) Джаз-банд им. президента Вильсона в Нью-Йорке.

Как знаток истории русского музыкального искусства, Эренбург ставит в центр социально-политической и культурной жизни Кинешмы музыкальное кабаре имени Карла Маркса. Мы решили, что для будущего мюзикла важно наметить не менее четкие, чем у Эренбурга, формы и жанры: Европа – кафе-шансон «не желающих» молчать французов, зонг-клубы и бравурные марши германских пролетариев, США – биг-бендовские клубы – прощание с прошлым и торжество будущего, вплоть до атомной бомбы. Словом, нам это показалось весьма своеобразным и даже забавным синопсисом, который другу можно и подсунуть. В крайнем случае, насмешит. Так и случилось. Юлий Черсанович Эренбурга перечитал, но идея его не вдохновила.

С тех пор я не представлял себе свои публикации без участия Исаака Соломоновича. Работать с ним было легко и поучительно. В комментариях он отсекал ненужное, призывая к лаконичности, а в совместном предисловии к сборнику «А.Н. Потресов. Рубикон. Публицистика 1917–1918 годов»¹ – даже целые куски, касающиеся статей предреволюционного и послереволюционного периодов. Больше всего мне было жалко, что пришлось отказаться от одного весьма яркого эпизода внутрипартийной борьбы второй половины 1920-х гг. К этому моменту так называемая линия Мартова все более откровенно определялась Даном как признание возможности превращения РСДРП в системную оппозицию. Именно на это обращал внимание Потресов в письме к П.А. Гарви – главному оппоненту Дана. В 1926 г. Гарви завершил и опубликовал дискуссионный сборник «Проблемы революции»². А.Н. Потресов по поводу дановской критики основной статьи сборника, автором которой являлся Гарви, заметил, что он может только поздравить Гарви: статья Дана

---

¹ См.: *Потресов А.Н.* Рубикон. 1917–1918. Публицистика / ред.-сост.: Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь. М., 2016.

² Проблемы революции: дискуссионные сборники. № 1 [статьи М. Валерианова, П. Гарви, Ф. Дана]. Берлин, изд. Загр. делег. РСДРП, 1926.

слабее слабого... Есть, впрочем, у Дана одно место, которое отозвалось в моей душе созвучными нотами. Это то, где он говорит, что Ваша точка зрения «почти безвредная» пока тянутся скучные будни, окажется «роковой», то есть резко диссонирующей в действии с его, Дана, точкой зрения, когда наступит «критический момент». Я действительно полагаю, что расхождение может оказаться в 180°, если Дан к тому времени («критический момент») ничему, как и сейчас, не научится и будет по-прежнему продолжать спекулировать на демократизации большевизма и возможном разделе с ними власти. А так как этот «критический момент», на мой взгляд, довольно-таки явственно приближается, то мне и хочется крикнуть Вам: смотрите, хотя скверный анекдот и маловероятен, но он все же не невозможен, как кратковременный эпизод на пути хаотизации большевистского коммунизма...¹

Между тем Мартов в последние годы жизни в практических решениях все больше и больше сближался с представлениями П.Б. Аксельрода о необходимости поставить в качестве главных задач партии критику и борьбу с самой системой большевистского режима.

«Скверный анекдот», о котором писал Потресов, произошел в 1936 г., когда принималась сталинская Конституция. Дан обратился с письмом от Заграничной делегации РСДРП с предложением о легализации партии в качестве оппозиционной. В конце перестройки этот же анекдот повторился в виде публикации в журнале «Коммунист» послесловия Дана к его собственной книге 1946 г.² Послесловие имело свой заголовок «Итоги развития и перспективы большевизма»³. По мнению В.Г. Бушуева, редактора отдела истории журнала «Коммунист», сильная сторона книги Ф. Дана состояла в том, что она содействовала утверждению «нового политического мышления» в горбачевский период⁴. Эта публикация на многие годы увела в сторону исследование истории РСДРП и пагубно сказалась на ее изучении.

Я принял предложения И.С. Розенталя о сокращениях, понимая, что тем самым он нацеливает на подготовку специальных томов, посвященных взглядам А.Н. Потресова в годы, предшествовавшие Первой и Второй мировым войнам. С каждой новой работой мы сближались все более и более.

---

¹ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky Collection. Series 75. Box 130. Folder 3.

² Дан Ф.И. Происхождение большевизма: к истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.

³ См.: Дан Ф. «Демократизация станет исторически возможной» // Коммунист. 1990. № 7. С. 72–78.

⁴ Там же. С. 71.

II

После упомянутой выше «презентации» мы стали встречаться чаще. Раза два пили чай с аджарским хачапури в «Максимуме». Потом, благо тогда еще могли, кофе с коньяком у меня дома. Здесь мы, никому не докучая, могли «занудствовать» вволю.

В общем, Исаак Соломонович вполне удовлетворительно оценил исследовательские и документальные публикации по истории меньшевизма, в которых я участвовал¹.

При этом, как мне казалось, он с уважением отметил даже и некую, по его мнению, излишнюю одержимость, с какой я относился к этой своей работе.

Вместе с тем Розенталь оказался первым, кто обратил внимание на (вполне возможно и допустимую при таком объеме работы) небрежность: нечеткость формулировок, недоговоренность, желание уйти от ответа на ряд сложнейших вопросов о сущности и характере истории Великой российской революции.

Он начал с самого простого примера:

– В.И. Ленин², говоря о трех российских революциях³, имел в виду число российских революций XX в. У Вас речь идет о периодизации самой Великой российской революции. Вы этого в своей статье⁴ не оговариваете, что создает путаницу.

Я растерянно молчал, понимая, что это только разминка и главные замечания еще предстоят.

И действительно, вскоре речь пошла об излишне расширительном толковании заявления И.Г. Церетели, что июльское 1917 г. выступле-

---

¹ См., в частности, рецензию И.С. Розенталя на мою книгу: Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М.: Новый хронограф, 2011 // Клио. 2012. № 11. С. 124–126.

² Именно И.С. Розенталь выступил составителем и автором предисловия и комментариев к первому постсоветскому сборнику избранных произведений В.И. Ленина и справился с этим великолепно. См.: Владимир Ильич Ленин. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.С. Розенталь. М., 2010 (Серия: Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). Новшеством стала попытка И.С. Розенталя осовременить комментарий к ленинским работам. Впоследствии мы пошли дальше, пробуя ответить на давний вопрос В.П. Козлова, заданный нам еще в его бытность руководителем Федерального архивного агентства: «А слабо разработать новые нормативы публикаций ленинских работ?» Он о своем вопросе давно уже забыл, а мы заметно преуспели в своих представлениях. Только это уже совсем другая тема.

³ Ленин В.И. Доклад о задачах власти Советов, 25 октября (7 ноября) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2–3.

⁴ Ненароков А.П. По следам 1917-го: революции и мифы // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 132–148.

ние большевиков свидетельствует о возможности пришествия «контрреволюции слева»¹.

Оценки же октябрьских событий 1917 г. такими лидерами российской социал-демократии, как П.Б. Аксельрод, Г.В. Плеханов и А.Н. Потресов², – всего лишь непосредственная реакция на захват власти большевиками.

Между тем именно на подобного рода утверждения, как полагал Исаак Соломонович, опираются те, кто, подобно А.И. Солженицыну, заявляют, что «Октябрьская революция» – это миф, созданный победившим большевизмом и полностью усвоенный прогрессистами Запада»³. Это Солженицыну принадлежит формула: «То, что называется “Русская революция 1917 года”, – есть революция Февральская»⁴.

Эта солженицынская формула действительно поминалась мною неоднократно. Да и предшественники писателя, на оценки которых я ссылался, были названы точно. Мне оставалось лишь заметить, что от данного вывода я отказываться не готов. Дальнейшее обсуждение мы продолжили по телефону, и чем дольше оно длилось, тем суше и отчужденнее становился голос Исаака Соломоновича. Когда же я обратил внимание своего собеседника на то, что упоминание в качестве «кульминации российской революции» Великой Октябрьской социалистической революции заведомо искажает представления о Февральской революции, Розенталь заметил, что это может завести нас слишком далеко.

Я дал выход своему возмущению в том, что положил трубку. Однако ровно через 20 минут вновь набрал его номер, извинился и предложил компромисс: считать октябрьские события 1917 г. вооруженным захватом власти. Тем более что так считало большинство их участников – как противников, так и сторонников, да и сам Ленин не раз обращал внимание на то, что в первые месяцы после захвата

---

¹ См.: *Меньшевики в 1917 году*. [Сборник в 3 т.] / под общ. ред. З. Галили, А. Нарокова, Л. Хеймсона. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 92–93.

² *Аксельрод П.Б.* Кто изменил социализму? (Большевики и социальная демократия в России). Нью-Йорк, 1919. С. 23, 39; *Плеханов Г.В.* Открытое письмо к петроградским рабочим // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3: От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2: От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада окт. – конец дек.). М., 1997. С. 598–600; [Из выступления А.Н. Потресова на чрезвычайном съезде РСДРП(о), 1 декабря 1917 г.] // Там же. С. 405.

³ *Солженицын А.И.* Написано кровью. Интервью журналу «Шпигель» // *Известия*. 2007. 24 июля.

⁴ Там же.

власти решались не доведенные до конца задачи буржуазно-демократической революции. Началом же второго – большевистского – этапа Великой российской революции следует считать разгон Учредительного собрания, после чего большевики перешли «точку невозврата». В этом случае сама оценка того огромного социального эксперимента, который был начат большевиками, может быть, как говорил Аксельрод, осознана и понята, что не означает безусловного его признания.

Мои извинения были приняты, как мне показалось, с некоей безобидной иронией, присущей только Исааку Соломоновичу. Мы были нужны друг другу.

Мне хотелось бы рассказать еще о двух наших встречах, но, увы, сил больше нет. Да и грустные они обе и слишком личные. Главное: «Мы нужны были друг другу».

Такие потери невосполнимы.

З.И. Перегудова

РОЗЕНТАЛЬ ИСААК СОЛОМОНОВИЧ

Более шестидесяти лет назад началась моя трудовая деятельность на Большой Пироговской улице (д. 17) в Центральном Государственном историческом архиве в г. Москве (ЦГИАМ СССР). В то время существовали два центральных исторических архива – в Москве и Ленинграде: ЦГИАМ и ЦГИАЛ. Это было время, когда из лагерей и ссылкок возвращались уцелевшие в мясорубке событий незаслуженно пострадавшие граждане страны. Велась огромная работа по их реабилитации, и к этой работе были привлечены архивные сотрудники. Официально это называлось справочная работа или работа с письмами трудящихся, которые поступали в архив от частных лиц и учреждений. В основном мы писали справки на участников революционного движения. Также приходили тематические запросы, которые в основном направлялись нашими коллегами из музеев, архивов, библиотек. Особенно у нас были тесные связи с Партархивом, Музеем революции СССР, несколько позже – с музеем «Красная Пресня», музеем М.И. Калинина, Институтом истории, Институтом славяноведения.

В музеях и архивах, как правило, работали выпускники Историко-архивного института, МГУ, педагогических вузов, порой это были мои однокашники и однокашники моих коллег. И как-то получалось, что завязывались тесные творческие связи, мы помогали друг другу в работе и при составлении биографических справок, комментариев, организовывали совместные выставки. Постепенно становился более свободным доступ к архивным источникам, и многие наши коллеги работали даже не в читальном зале, а в рабочих комнатах при хранилищах, так как порой мы делали общую работу. В процессе выявления материалов происходило обсуждение тематических планов, да и рассмотрение документов тоже.

Более либеральный подход к документам определялся тем, что это был 1957 г. – начало юбилейных лет, связанных с празднованием Первой российской революции 1905–1907 гг. Читальный зал был переполнен исследователями, выдача дел в нем была огромная, со-

трудники с трудом справлялись с этой работой. Темы были самые разные, но связанные с отечественной историей, с революционными выступлениями студенчества, рабочих, крестьян, партийным строительством.

Директор Музея революции А.И. Толстихина, достаточно авторитарная женщина, при обновлении экспозиций очень настойчиво требовала от нашего архива выявления необходимых музею документов. На моей памяти одним из первых начал сотрудничать с нами старший научный сотрудник Музея революции Гак Александр Михайлович. А через какое-то время мы познакомились с Исааком Соломоновичем Розенталем. И, можно сказать, с первой встречи и до последних посещений архива Исаак Соломонович стал нашим добрым надежным другом. Чрезвычайно деликатный, спокойный, много знающий, он очень помогал архивистам, когда к нему обращались.

Получалось так, что со временем в результате архивной работы (при составлении справок, выполнении тематических запросов, проверки наличия, разборки россыпи и обработки материалов) я хорошо стала знать источники по различным темам дооктябрьского периода, но не всегда мне удавалось следить за выходящими работами. Правда, наша библиотека всегда устраивала выставки приобретаемой новой литературы, и архивисты знакомились с ней, но иногда очень поверхностно. И в этом плане встречи и беседы с Исааком Соломоновичем имели большое значение. Меня удивляло, как он успевал прочитать, просмотреть новые статьи и книги по изучаемому периоду и поделиться информацией при встрече. Не пропускал он и наши работы и как-то равнодушно относился к ним, уделяя внимание подробностям и деталям, казавшимся, на первый взгляд, незначительными, деликатно, ненавязчиво высказывал замечания и пожелания. Часто Исаака Соломоновича и меня интересовали одни и те же сюжеты, темы, одни и те же лица. И поэтому точек соприкосновения оказывалось достаточно много. И мы часто общались и в архиве, и по телефону, обменивались книгами и привлекали в случае необходимости Нину Ивановну, замечательную женщину, жену Исаака Соломоновича.

Когда мне пришлось выявлять материалы о профсоюзах в России, то мне очень помогла опубликованная в это время в журнале «Вопросы истории» статья Исаака Соломоновича о численности профсоюзов.

Вспоминаю работу Исаака Соломоновича и группы сотрудников с материалами о провокаторе Романе Вацлавовиче Малиновском. В это время архивом были получены очень интересные документы о Малиновском, когда-то изъятые из фонда Чрезвычайной след-

ственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Документы возвращались после долгого отсутствия в фонд. Там были совершенно уникальные, до того неизвестные или малоизвестные документы о Малиновском и его фотографии. Сведения, связанные с продвижением Малиновского Департаментом полиции в члены Государственной думы, допросы Н.К. Крупской, В.И. Ленина в отношении Малиновского. В результате сборник документов получился полный, насыщенный новыми материалами. А вскоре вышла монография «Провокатор Роман Малиновский: судьба и время». Это одна из лучших работ о «революционерах»-провокаторах.

В своих статьях о Джунковском В.Ф., Николае II Исаак Соломонович избирал такой ракурс исследования, что работа получалась оригинальной, необычной. С какими-то положениями можно не соглашаться, но видно, что это достаточно интересный подход и решение вопроса. Очень много мы в свое время говорили о Джунковском, когда вышли два тома его «Воспоминаний». Было видно, что эта фигура очень интересовала Исаака Соломоновича. И мне кажется, что он предполагал в будущем обратиться к этой личности. Думаю, что вышедшая несколько лет назад добротная и хорошая книга А.Ю. Дунаевой «Реформы полиции в России в начале XX века и Владимир Федорович Джунковский» (М., 2012) не помешала бы Исааку Соломоновичу написать свою интересную книгу о Джунковском, основанную на собственном видении этого человека.

Когда архив готовил первый том «Дневников» Николая II, получилось так, что имелся ряд сложностей, оставалось мало времени, поэтому работа шла очень напряженно, хотя в ней принимала участие сильная группа историков. Обычно, зная интерес историков к той или иной теме, я не пренебрегала тем, чтобы посоветоваться и поговорить о той работе, которой я занимаюсь. Первое неполное издание «Дневников» императора Николая II (М., 1992) мы делали с предисловием нашего большого друга и замечательного историка и человека К.Ф. Шацилло, и тогда мы очень много с ним советовались, когда издатели поставили нас, составителей, в трудное положение, потребовав вместо обещанного двухтомника издать один том и сократить текст «Дневников». Причем они допускали, что может быть стоит сократить некоторые малоинтересные ежедневные записи. И тогда с помощью Корнелия Федоровича мы приняли решение исключить некоторые года, но те, что оставили, давать без всяких сокращений. Когда мы в 2008 г. задумали новое издание «Дневников», я еще не знала об интересе Исаака Соломоновича к личности Николая II. И уже после выхода книги Исаак Соломонович, одобрительно выска-

завшись в общем об издании, структуре, очень деликатно и ненавязчиво сделал ряд замечаний по поводу комментариев и приложений.

Когда Исаак Соломонович вместе со своими коллегами готовил сборник документов о Малиновском, то он приглашал меня войти в состав составителей этой работы. Будучи в то время очень занята, я была вынуждена отказаться, но соавторами мы стали позже в большой работе «Бунд: Документы и материалы 1894–1921».

От нашего архива в этой работе принимали участие я и Клара Георгиевна Ляшенко. При выявлении документов для сборника Исаак Соломонович являлся нашим руководителем, работать с ним было очень легко и приятно. Предварительно он проделал огромную работу по определению структуры книги, правда, потом она менялась, что было вызвано наполнением выявленными документами. Мы с Кларой Георгиевной окунулись в материалы Департамента полиции, Московского охранного отделения, фонда «Вещественные доказательства по политическим процессам» и, конечно, в бывшую библиотеку Департамента полиции. С одной стороны, у нас был список изданий Бунда, которые мы разыскивали, с другой – мы углубились в изучение истории Бунда, пригодились и старые наработки о первых еврейских рабочих союзах и профессиональных организациях. Мы постоянно были на связи с Зосей Николаевной Тихоновой и Исааком Соломоновичем.

Летом 2018 г. во время отпуска мы с моим мужем Сергеем Петровичем Перегудовым с большим удовольствием и наслаждением прочитали воспоминания Нины Ивановны. Ранее все не было времени. Я восхищалась ее воспоминаниями, тем, как удалось в семье сохранить такой богатый и интересный архив, как хорош был язык этой книги, как интересно автором описаны эпоха и время. А затем последовала книга Исаака Соломоновича. Как-то тепло и приятно было на душе, читая эти воспоминания, многое находило отклик, что-то было близко, узнаваемо, интересно, созвучно моему настроению.

Думала, что вернусь в Москву и сразу позвоню Исааку Соломоновичу. Во-первых, выскажу свое и Сергея Петровича впечатление о книгах, потом надо встретиться и передать второй том «Дневников» Николая II. Потом мы хотели пообщаться по поводу книги О. Эдельман о Сталине. Потом забрать мой диплом, которым архивное управление наградило группу лиц, участвовавших в подготовке книги «Бунд». Обычно мы созванивались с Исааком Соломоновичем в сентябре. Звонка не было. Каждый день я думала позвонить и все не успевала, приходила домой поздно. А потом я узнала, что Исаак Соломонович ушел из жизни. Не успела... в нашем возрасте нельзя ничего откладывать.

С.Ф. Корнеева

МОЙ ДОБРЫЙ УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Мы познакомились полвека назад, все эти десятилетия поддерживали дружеские отношения. Исаак Соломонович – удивительно обаятельный, эрудированный, на редкость скромный человек; для меня он был учителем, наставником, товарищем, несмотря на разницу в возрасте в 20 лет.

На книжной полке стоит изящный томик его книги с дарственной надписью «Свете Корнеевой на добрую память о нашей “молодости” и об авторе». Листаю страницы, глава I «В Москву! в Потемкинский!» посвящена преподавателям Московского городского педагогического института, среди них – наш общий знакомый Е.А. Луцкий. Вспоминается эпизод начала 1970-х гг.: мы с Розенталем трудились в одном рабочем кабинете, пользовались одним служебным телефоном. Позвонил мне Евгений Алексеевич (бывший руководитель дипломного проекта по Историко-архивному институту). В то время профессор Луцкий уже давно был инвалидом по зрению, однако продолжал активную научную деятельность. По линии Всероссийского общества слепых ему предстояло выехать в Санкт-Петербург на конференцию. Он искал надежного сопровождающего, соблазняя высоким гонораром. Мне же надо было срочно завершать экспозиционный план, возможность взять отгулы отсутствовала. В наш диалог включился Розенталь, сидевший рядом. Он попытался разрешить проблему, предлагая кандидатуры толковых ребят, готовых в любой момент отправиться на берега Невы. Как оказалось, коллега и Евгений Алексеевич были знакомы с «младых ногтей» Розенталя, когда в Потемкинском вузе доцент Луцкий читал курс по истории советского периода. «На экзаменационной сессии мне тянуть билет не пришлось, – поведал бывший студент. – Евгений Алексеевич быстро показал несколько снимков, запечатлевших сцены казни. Я быстро ответил: “1918 год. Украина. Офицеры кайзеровской армии”, за что заслужил отличную оценку».

Следуем дальше с мемуаристом «за синей птицей» – работа по специальности в московской школе № 587, ученики. Здесь опять общий

знакомец – персонаж книги Владимир Викторович Корнев. Учились мы в одной группе Московского государственного историко-архивного института с 1965 по 1970 г. (тогда я носила фамилию Лукашева), мы дружили, посещали кружок Сигурда Отговича Шмидта. Корнева со школьной скамьи звали «Корнетом» за то, что он мог бесконечно смотреть фильм «Гусарская баллада». Естественно, на младших курсах его привлекла тема внешней политики Наполеона и Александра I, войны 1812 г. На семинарах Корнет мог позволить себе возразить преподавателю: «А вот у нас в школе Исаак Соломонович Розенталь говорил...» Так, в середине 1960-х гг. мы узнали о необыкновенном школьном историке – бесспорном авторитете для учащихся.

Наше знакомство стало очным, когда после распределения я попала в Центральный музей революции СССР (бывшие однокашники служили в архивах). Многогранная музейная деятельность оказалась настолько яркой, что Корнет пригласил меня выступить на занятиях Розенталя. Автор воспоминаний, ставший старшим научным сотрудником музея в 1973 г., писал: «Одну сотрудницу Светлану Лукашеву... я знал еще раньше, она приходила к нам в школу по линии “профориентации” моих учеников, рассказывала им, что такое музейная профессия, приводила примеры из собственной практики. Окончила она историко-архивный институт... была и осталась человеком удивительного оптимизма. Получилось, что сагитировала не учеников, слушавших ее с интересом, а будто бы меня, учителя. В музее нам не раз приходилось работать вместе, испытывая, по-моему, обоюдную радость».

Под влиянием Исаака Соломоновича я выбрала тему диссертации по дореволюционной нелегальной прессе, защитила кандидатскую: «Рабкор и демократизм пролетарской печати: (Из опыта газеты “Правда”, март – октябрь 1917 г.)» на кафедре истории партийно-советской печати на журфаке МГУ им. Ломоносова. Не без сопротивления, под давлением Розенталя постоянно выступала на научно-практических конференциях и публиковала сообщения и доклады...

Самые теплые чувства оставило в памяти наше совместное творчество и дружба.

СОДЕРЖАНИЕ

Вехи жизненного пути	3
-----------------------------------	---

I. ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Логонов В.Т.</i> Памяти товарища и коллеги	9
<i>Ненароков А.П.</i> По кромке памяти	13
<i>Перегудова З.И.</i> Розенталь Исаак Соломонович	20
<i>Корнеева С.Ф.</i> Мой добрый Учитель и друг	24
<i>Мамиконян Е.Р.</i> «Если Вам будет интересно»	26
<i>Воронина Т.Л.</i> Учитель истории	30
<i>Бессонов В.А.</i> Книги, время и жизнь в рассказах историка	32
<i>Волобуев О.В.</i> «...В не самые легкие времена»	46
<i>Шелохаев В.В.</i> Человек и ученый	58
<i>Канищева Н.И.</i> Памяти И.С. Розенталя	61
<i>Борисова О.В.</i> В память об И.С. Розентале	64

II. СТАТЬИ

<i>Журавлев В.В.</i> Объективность историка: параметры возможностей	66
<i>Соловьев К.А.</i> Физика и метафизика русской интеллигенции	74
<i>Иванова Н.А.</i> Неизученный источник о профессиональных обществах в России в начале XX в.	86
<i>Пушкарева И.М.</i> У истоков протестного рабочего движения в России.	103
<i>Колодежный В.Н.</i> К вопросу об истории Всероссийского крестьянского союза	126
<i>Туманова А.С.</i> Профессиональное движение в позднеимперской России и его правовые параметры	146
<i>Булдаков В.П.</i> Общественные организации в России: особенности самовыражения, траектории самореализации.	166
<i>Морозова А.Ю.</i> Группа левых большевиков «Вперед» в идейно-политической борьбе в РСДРП в 1910–1914 гг.	183
<i>Павлов Д.Б.</i> Россия и ее союзники в Первой мировой войне (историографические заметки)	222

<i>Иванов А.Е. С.Ю. Витте – Н.П. Боголепов: политическое противостояние</i>	230
<i>Хайлова Н.Б. «Вам сердечно преданный...» (по страницам переписки Н.В. Давыдова и А.Ф. Кони)</i>	242
<i>Зверев В.В. По следам неподтвердившейся гипотезы...</i>	264
<i>Шашкова О.А. «Роман с революцией» Марии Малых</i>	291
<i>Эдельман О.В. Павел Пестель, командир полка</i>	320

III. ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Удастся ли сохранить остатки русской государственности и армии...»: письмо кн. Павла Дм. Долгорукова к А.В. Тырковой (1 декабря 1920 г., г. Константинополь) / публикация Н.И. Канищевой	340
«От какой тогда сущей безделицы зависел ход мировой истории» (Из переписки Н.В. Валентинова и М.А. Алданова, 1954–1956 гг.) / публикация О.В. Будницкого, Т.Л. Ворониной	346

IV. ИЗ АРХИВА И.С. РОЗЕНТАЛЯ

«Тот самый Давыдов...» Об истоках прогрессизма в России и о нетипичном бюрократе	396
Общественные организации в Москве в начале XX в. – фактор объединения?	419
Опыт публикации источников по истории политических партий в России (1-я треть XX века)	432
«Поэтические» опусы...»	460
Библиография трудов И.С. Розенталя	467
Сведения об авторах	491

С родителями и сестрой Дусей. 1938 г.

С сестрой Дусей. 1941 г.

В составе студенческой группы. МГПИ. 1946 г.
И.С. Розенталь – в среднем ряду, 2-й справа

На раскопках курганов у села Зюзино. 1950 г.